

СМОЖЕТ ЛИ ОНА РАЗГАДАТЬ ТАЙНУ?

КРАСНОЕ СОЛНЦЕ ВАЛЬКИРИИ

ЕЛЕНА
ДОРОШ

ВЕЧЕРНИЙ ДЕТЕКТИВ

Елена Дорош
Красное солнце валькирии
Серия «Вечерний
детектив Елены Дорош»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69867250
Красное солнце валькирии. Роман: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-193865-9*

Аннотация

Вечерние детективы Елены Дорош очень уютные и невероятно увлекательные. Если начнете читать вечером, не сможете оторваться до утра. Они для тех, кто верит в любовь, справляется со всеми проблемами, ни при каких обстоятельствах не впадает в уныние и ждет от жизни только хорошее.

Переехав после развода с мужем в старый питерский дом, Софья Бриль не предполагала, что станет свидетелем убийства. А потом ей придется разгадывать тайну, которая более ста лет хранится, спрятанная в жестяной коробке и завернутая в носовой платок с вышитыми инициалами «Л. Р.». В пылу поисков Софья зашла слишком далеко, и все могло бы кончиться плачевно, если бы рядом не оказался мужчина, всегда готовый прийти на помощь, спасти, заслонить собой...

Содержание

Последний вдох	5
Софья Бриль в свободном полете	9
Чем чреват альтруизм	19
Дамский платочек и то, что было в нем	28
Если свербит в попе	42
Короткими перебежками по косой	57
Химический анализ в действии	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Елена Дорош

Красное солнце валькирии

Роман

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Дорош Е., 2023

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Последний вдох

Ночью ей стало хуже. Начался настоящий кошмар. Ее трясло даже под двумя байковыми одеялами и шерстяным пледом, который передал Карл, а бредовые видения, наоборот, были жаркими, душными.

Они с братом любили сидеть у камина. Там, в Люблине. За окном бушует метель, а им с Игорем жарко. Они смотрят на гуляющий по сухим дровам огонь и мечтают стать пиратами на корабле с черным флагом.

Душно и дымно было в «Привале комедиантов» на Марсовом. Тогда она впервые увидела его, такого странного, уродливого... любимого... Он звал ее Лери и обожал ее волосы. Ионический завиток. Ее первая ночь с Гафизом. Горячая, безумная. Она была готова на все, и даже то, что он привел ее в бордель на Гороховой, ничего не меняло. Она пылала от страсти и никогда после ничего подобного не испытывала. Если только тогда, в Кабуле...

Продолжая метаться, она облизала пересохшие губы. В ту ночь матросы взяли ее на катер-истребитель и поперли прямо под шквальный огонь белочехов. Хотели испытать, как поведет себя баба. Как же жарко ей было тогда! Как весело! Когда очумевшие от кинжального огня матросы повернули назад, она кричала: «Почему поворачиваете? Рано! Надо еще! Вперед!»

Она так рвалась в бой, что однажды Ильину пришлось увести с капитанского мостика и запереть в каюте. Она бе-силась, рвалась. Тогда на Волге было очень жарко, палуба буквально плавилась от палящего солнца.

Бритая горячая голова мотнулась на мокрой от пота подушке. Как холодно! Как жарко!

Какие смешные лица были у афганских крестьян, когда они смотрели на нее, скачущую верхом под палящим солн-цем с открытым лицом и в мужском костюме. А она смеялась и вместе со всеми пела песни под гармошку. А потом бежала обратно в Россию по горной Гератской дороге и уже не сме-ялась. Был май, но палило нещадно. И в поезде Ташкент – Москва тоже было душно и жарко. Окна не открывались, а солнце лупило вовсю.

Через несколько месяцев были баррикады в Гамбурге, и ей снова стало весело и жарко. Она вся пылала от бьющего в мозг адреналина! Адреналин! Ей нравилось это новомодное словечко.

Она облизнула стянутые жаром губы и попыталась от-крыть глаза.

В Кабуле было пекло. Всегда и всюду. Порой ей казалось, что она жарится на вертеле, как индюшка. Даже бассейн на-гревался за день так, что вода едва не кипела. Они с принцем дожидались ночи и входили в нее голыми. Но вода не охла-ждала, а только разжигала, распалила, торопила...

Боже, как хочется пить. Хоть глоток воды, прошу... Хоть

каплю...

Они со Львом любили отпаиваться горячим чаем у него в вагоне. Кипяток обжигал губы, и они распухали. Он целовал ее горячие уста и улыбался хитро, по-иезуитски. Карл чем-то похож на него. Та же кривая ухмылка, тот же огонь в глазах.

Солнце. Красное и раскаленное. Как же безжалостно ты сжигаешь меня.

– Пей, – прошептал кто-то у нее над головой, и рта коснулась ложка.

Она глотнула. Еще раз. Еще.

Ей все же удалось открыть глаза. В темноте палаты к ней склонился кто-то черный в белой марлевой маске. Ангел? Демон?

– Где он? – спросил незнакомец и наклонился ниже.

Она вгляделась в чужое лицо. Какие безнадежно черные у него глаза. Как южное небо, в котором погасли все звезды. Нет, это не ангел. Это дьявол явился по ее душу.

– Ты же знаешь, я все равно его найду. Скажи сама, и останешься жива.

Она мотнула головой.

– Зря. Ты ведь еще так молода, так прекрасна... Ты рождена для счастья...

Она зажмурилась. Изыди! Пропади! Отстань! Не для того она так долго хранила... Она не может сдаться! Только не она! Валькирия! Муза революции! Богиня!

Она хотела плюнуть ему в лицо, но слюны не было, а перед

глазами все быстрее крутилось красное обжигающее солнце.

Он наклонился, всматриваясь, и... как ей показалось... вздохнул.

В этот миг на лицо опустилось что-то тяжелое. Ей показалось, что она изо всех сил забилась, пытаясь освободиться, но на самом деле слабо дернулась и смогла сделать лишь один вдох.

Последний.

Красное солнце погасло, и она уже не слышала, как, уходя, кто-то негромко сказал по-английски:

– Никогда не пейте сырого молока.

Софья Бриль в свободном полете

Софья уже открыла дверь квартиры и даже ногу над порогом занесла, как вдруг боковым зрением увидела в коридоре что-то странное, а именно: непорядок в стройных рядах соседских банок.

Она вернулась, откинула половинку коврика с оленями, укрывавшего стратегические запасы, и уставилась на пустое место между трехлитровками с помидорами.

Это еще что такое? Вчера никакого провиса в коврике не было. Она бы заметила. Значит, банка исчезла сегодня. Каким, интересно, образом это могло случиться? Соседи? Они никак не могли вернуться. Им еще недели три у дочки в Саратове торчать. Ключи оставили ей, чтобы цветы поливала. Третьего ключа от общего коридорчика на две квартиры ни у кого нет.

На всякий случай она позвонила в соседнюю дверь. Разумеется, тишина.

Тогда как?

Софья немного потопталась в коридоре, усталом второй половинкой оленей, и пошла к себе. Пока раздевалась и мылась, продолжала перебирать варианты, но потом принялась готовить ужин, и версии пропажи соседских помидоров вытеснились запахами мяса и кофе.

Как же она сегодня устала! При таком уровне выжатости

зарок не есть вечером мясо и не пить кофе можно смело послать к черту! Или не очень смело, но все же послать. Она покосилась на выпирающий, хотя и не слишком сильно, животик. Последний год жизни с Кириллом был таким токсичным, что заставил ее постоянно жевать сладкое. И вообще – постоянно жевать! Заедание стресса закончилось животом и пышными боками, а грудь приняла такой героический вид, что каждый раз, когда Софья видела ее в зеркале, у нее случался культурный шок. Конечно, спокойная жизнь в благословенном одиночестве после развода дала возможность немного прийти в себя и сбросить лишнее. Ну если и не все, то многое. Стоит ли начинать снова нажираться по вечерам?

Софья мельком взглянула на свое отражение в кухонном окне и дернула плечом.

Подумаешь! Ничего страшного не наблюдается! Завтра музей закрыт, экскурсий не будет, она вернется пораньше и приготовит овощи на пару и салатик из морской капусты. А сегодня спасти ее жизнь могут только отбивнушка и большущая кружка очень сладкого кофе! Глюкозу восстановить!

Софья перевернула на сковородке мясо и свободной рукой почесала голую ногу. До чего же здорово жить одной! Можно даже халат не надевать. Трусы и лифчик вполне сойдут за домашнюю одежду. Да, в принципе, можно обойтись одними трусами. Все равно разглядывать некому.

Кирилл любил, чтобы дома она ходила в нарядном длинном халате с запахом, на манер японского кимоно, а спала в

пеньюаре. Непременно в пеньюаре!

Софья усмехнулась и посолила мясо. Еще три минуты, и ее ждет несусветное блаженство. Можно будет даже почавкать. Так мясо намного вкуснее.

Кирилл требовал, чтобы стол к ужину был сервирован по полной программе: с ножами для салата и мяса, салфетками, засунутыми в серебряные колечки, и прочими изысками. Это было не просто утомительно. Это бесило.

Теперь можно смело обойтись без колечек, резать мясо кухонным ножом и есть картошку прямо со сковородки. Красота!

Свинячить она, конечно, не будет, но горчицу зачерпнет вилкой, а не специальной ложечкой. Все равно делиться не с кем.

Старую-престарую однушку на Моховой, совсем недалеко от Фонтанки, доставшуюся ей после развода, она полюбила сразу. Во-первых, здорово, что ее не выселили в коммуналку, а во-вторых, это жилье гораздо ближе к работе, чем их дом на берегу Финского залива, от которого до музея три дня лесом, а потом на собаках. Водить машину она не умела и ездила на общественном транспорте. Это было что-то! Кстати, Кирилл никогда не призывал ее оставить работу. Его все устраивало: и общественный транспорт пять дней в неделю, и сумки с продуктами, которые приходилось от остановки таскать в руках, и то, что после ужина она просто отрубалась и ничего не требовала – ни исполнения супружеского долга,

ни даже разговоров.

Неужели он знал, что надолго она в его жизни не задержится?

А впрочем, какая теперь разница? Ведь не он ее выгнал. Она сама от него ушла. Да какое ушла! Бежала, как Есенин за комсомолом, то есть «задрав штаны»!

Софья выложила мясо на тарелку, выгрузила из баночки кучку оливок, нарезала помидоры и присыпала всю эту красоту кинзой пополам с укропом.

Боже! Счастье есть!

Оттопыриться по полной, однако, не удалось. Жуткий воющий звук, внезапно возникший со стороны, где стена кухни соседствовала с квартирой третьего подъезда, заставил ее вздрогнуть и судорожно проглотить недожеванный кусок.

Это еще что? Перфоратор? Дрель? В восемь вечера? Они что там, очумели? Хотя, наверное, пять минут, и все стихнет.

Она решила проявить кротость и смирение, но когда пять минут выросли до сорока, а дикий вой за стеной достиг апогея, решительно оделась и выскочила на улицу. Октябрь нынче выдался на редкость теплым и сухим. Софья с удовольствием вдохнула вечерний воздух и неторопливо прошлась до соседнего парадного, пытаясь по пути вычислить номер квартиры передовика производства, затеявшего ремонт на ночь глядя. Интересно, остальные соседи не возмущаются?

Звонить в домофон не пришлось, дверь как раз открывала

старушка. Софья помогла ей втащить кошелку на колесиках и прошмыгнула следом. Теперь на четвертый этаж и побольше уверенности в своей правоте!

Она даже речь заготовила. Небольшую, но прочувствованную.

Однако блеснуть красноречием не удалось. Она нажимала на звонок снова и снова, но, видимо, за визгом аппарата слабые трели уха мастера не достигали. Она уже отчаялась, когда вой вдруг прекратился, а через секунду дверь неожиданно распахнулась, и ее взору явился... Дед Мороз. Голубая шуба со звездами из фольги, шапка с оторочкой из белого меха. Вид вполне классический. Из странного были только солдатский ремень, туго опоясывавший крепкую фигуру, и балаклава с прорезями для глаз прямо под красной шапкой.

Выглядел дедушка до того комично, что среагировать адекватно Софья не смогла. Забыв все приготовленные фразы, она покатилась со смеху. Дедушка постоял немного, глядя на нее, и присоединился.

– Ой, не могу! Ой, помогите! – причитала она, приседая от хохота и держась за живот. – Это же и есть «Здравствуй, жопа, новый год»! В чистом виде!

Она поприседала еще немного, но потом все же вспомнила, зачем пришла, и попыталась придать лицу суровое выражение.

– Простите, дедушка, но это возмутительно! Просто невозможно!

Получилось не очень убедительно, губы так и норовили растянуться до ушей, но дед, кажется, понял, в чем дело, кивнул и стянул балаклаву.

– Вы, наверное, из-за шума ругаться пришли? – спросил оказавшийся под ней мужик.

Софья взглянула и на мгновение утратила дар речи. Ну и дедушки нынче пошли! Это же просто...

Додумать важную мысль она не успела.

– Вы простите меня, пожалуйста, – торопливо начал сосед. – Я понимаю, но у меня всего три дня на ремонт. После-завтра в командировку уезжаю на три недели, и работа опять заstopорится. Я и так уже месяц въехать не могу. Пытаюсь привести жилье в божеcкий вид, иначе зимовать придется в обще.

Все это мужик проговорил проникновенным голосом, еще и руки к груди прижал для убедительности.

– Жилье совершенно убитое. Я пытаюсь хотя бы ванную и кухню сделать пригодными. Вы же видите!

Он отступил на шаг назад, открывая ужасающий по мер-зости запустения вид.

– А почему бригаду не наймете, раз сами не можете? – поинтересовалась Софья, вытягивая шею в попытке разгля-деть квартиру. – Это же элементарно.

– Нужно время, а у меня его нет. К тому же бригада будет шуметь гораздо сильнее. Вы не находите?

С этими словами он заглянул ей в лицо. Софья мгновенно

почувствовала, что шея начинает краснеть. Она всегда краснела с шеи. Сейчас краска поднимется и перекинется на лицо. Вот это будет настоящий позор! Бабе уже под сорок, а она умудряется румянцем заливаться, как девочка на выда-
ние. Да еще и перед незнакомым мужиком! Что он о ней по-
думает!

А мужик в это время думал, как его угораздило явиться в срамном виде перед такой женщиной. Это же уму непостижимо! Не будешь ведь объяснять, что пригодной для ремонтных работ одежды у него нет, нацепил то, что осталось от прежних жильцов, ну а красную шапку надел... для целостности образа. Он вообще не ожидал, что дело настолько дрянь. Хотел заселиться, и все. Теперь, как пить дать, завязнет на всю зиму. Или придется смириться с вывороченной ванной и ржавым унитазом.

– Меня Софья Павловна зовут, – неожиданно произнесла женщина и протянула руку.

– Иван Сергеевич, – ответил он, суетливо вытирая руку о голубую шубу.

– Как Тургенева?

– А вас как девицу Фамусову?

Божечки! Да он из образованных! Это ж дико сексуально!

Софья уж было открыла рот, чтобы продолжить увлекательную историко-литературную викторину, но тут же одернула себя и сделала неприступное лицо. Флирт в данном контексте неуместен, поэтому не стоит и начинать.

– Ну и что нам с вами делать, Иван Сергеевич?

– А какие варианты? – поинтересовался он.

– Ну... Можно попробовать помочь с мастерами.

– Вы в строительной фирме работаете?

– Нет, но там, где я работаю, все время что-нибудь ремонтируют. Могут подсказать варианты. Моя жизнь станет абсолютно невыносимой, понимаю, зато закончится все гораздо быстрее.

– Даже не знаю.

– У вас с деньгами проблемы?

– Да, собственно, нет. Я собирался машину новую ку... то есть... деньги есть, не волнуйтесь. Мне просто неудобно, что выгляжу перед вами совершенным неумехой. Не в состоянии решить проблему.

Ого! Его волнует, как он перед ней выглядит? Это хорошо. Для начала. Впрочем, надо выяснить еще кое-что.

– За три дня я, возможно, не успею. Если вы не против, дайте контакты родных. Жены, например. Я ей все передам.

– Никому ничего передавать не надо. Я сам буду решать. Сейчас напишу вам телефон, подождите.

Мужик кинулся куда-то вглубь квартиры, а Софья Павловна осталась размышлять, какая она все-таки дура. Еще вчера собиралась завязать с мужиками до лучших времен, годков так эдак на пять-шесть, пока не оклемается от Кирилла, а стоило увидеть шикарного мужика, как тут же встала в стойку и закрутила хвостом. Ну что ты будешь делать! Кста-

ти, вопрос с женой остался открытым. Да и к лучшему! Будем исходить из того, что Иван Сергеевич женат и как раз готовит новое семейное гнездышко, пока благоверная ждет в старом. Уф! Сразу легче стало. Их общение будет кратковременным и, безусловно, деловым.

– Вот, пожалуйста, Софья Павловна.

Иван Сергеевич протянул ей бумажку. Смешной какой. Не проще было набрать ее номер, чтобы телефон высветился на экране?

– Отлично. Тогда позвольте попросить об ответной любезности, – начала она.

– Все. Работать прекращаю до вашего особого распоряжения.

Ишь ты, понятливый.

– Завтра мне понадобятся размеры квартиры и план помещений. Чтобы разговаривать конкретно, понимаете?

– Да, конечно. Все сделаю, – кивнул он и добавил: – Даже не знаю, как вас благодарить. Это просто чудо, что вы появились.

Даже чудо? Что ж, это не может не радовать.

С тонкой улыбкой на устах, которая могла означать все что угодно, Софья любезно распрощалась с соседом и плавной походкой отправилась восвояси.

Ну и что такого? Легонький безопасный флирт еще никому не навредил.

Жена может не беспокоиться.

Уже дома, распиливая кухонным ножом разогретое мясо, она вдруг спросила себя: «А какого черта я, собственно, предложила ему помощь? С чего это меня так разобрало?»

Задумчиво вымыв посуду, она отправилась спать, все еще пребывая в недоумении.

Прав был Талейран. Никогда не следуйте первому побуждению, потому что оно, скорее всего, благородное.

Чем чреват альтруизм

К ее девичьей чести, на следующий день она вспомнила о своем обещании не сразу.

У ее кабинета переминалась с ноги на ногу Ира Соловьева с папкой документов и, увидев начальницу, с ходу затараторила:

– Софья Пална, это кошмар просто, какой договор прислали эти реставраторы! Как будто на старославянском реестр работ написали. Я вообще ничего понять не могу! Слов таких никогда не слышала!

Софья высоко подняла бровь и посмотрела на Иру взглядом, который ясно говорил, что попытка была жалкой и не засчитана.

– Ну правда! Не вру! Посмотрите? – заканючила та, сморщив губки.

– Нет, Ирина Вениаминовна, не посмотрю. Начальству полдела не показывают.

– Ну Софья Пална...

– Нет! И по пути на свое рабочее место позови ко мне экономиста. Она еще вчера должна была калькуляцию по установке светильников принести.

После такого начала рабочего дня сосед напрочь вылетел у нее из головы. Она вспомнила о данном ему обещании лишь к обеду и позвонила в фирму, с которой сотрудничал

музей.

– В принципе, можно, – выслушав ее, произнес Игорь Колобов, почетный строитель и просто замечательный человек. – А ты в курсе, что этот ваш дом – памятник архитектуры и многие виды работ там запрещены?

– Капиталка хозяину не нужна. Он просто хочет квартиру в божеский вид привести, чтобы жить было можно.

– Хорошо. Я, конечно, предвижу, что проблем мы огребем мама не горюй, но что не сделаешь по просьбе красивой женщины. Позвоню, когда освобожусь, но ты не расслабляйся. За тобой должок будет.

Колобов слов на ветер не бросал, поэтому на следующий день к Ивану Сергеевичу наведались специалисты, а еще через пять, уже после его отъезда, к работе приступила бригада ремонтников.

За это время Софья дважды разговаривала с соседом по телефону, и все. Причина альтруистического порыва по-прежнему была ей неясна, но думать об этом стало некогда. Захлестнули дела и заботы.

Время от времени она интересовалась у Игоря, как идут дела, но больше для проформы. Все-таки она была инициатором и все такое. Сосед с его потешным нарядом тоже постепенно стал стираться из памяти, поэтому она даже не сетовала на то, что он ни разу ей не позвонил.

А, собственно, зачем?

Она и так была в курсе всего, что происходит в квартире.

Стена-то общая.

Сначала шум, как и водится, был невыносимым, но почти ее не тревожил – она приходила домой примерно за час до того, как мастера расходились. Потом начались шарканье и скрежетание, из которых она заключила, что наступило время шпаклевки стен, а затем по звуку определила следующую стадию – укладывание полов.

Хорошо работают ребята! Так, смотришь, и сделают из говна конфетку!

Она даже немножко гордилась собой. Ведь это с ее легкой руки сосед получит первоклассный ремонт.

Ей казалось, что все близится к завершению, и она уже прикидывала, когда можно будет попроситься на визит. Не к соседу, разумеется. По словам Игоря, тот должен вернуться лишь через неделю. Софья подозревала, что Колобов сам захочет похвастаться результатом работы, и задумала хитрый ход. При своих ребятах намекать на продолжение он не станет, поэтому его можно будет ловко избежать.

Она размышляла об этом, нарезаая помидоры для салата, и когда за стеной вдруг раздался грохот, вздрогнула от неожиданности. Это еще что такое?

Грохот не повторился, но послышался странный скрежет. Софья насторожилась. Никак стена обвалилась? Или – еще хуже – потолок рухнул. Только этого не хватало! В самом конце ремонта! Неплохой подарочек к возвращению хозяйна!

Софья взглянула на часы: начало восьмого. Ремонтники уже час как ушли, не меньше. Возможно, это к лучшему. Хоть не пришибло никого.

Она снова услышала звук, как будто кто-то сдавленно и коротко вскрикнул. Софья кинулась к стене и приникла ухом.

Тишина.

Показалось. Наверное, у кого-то сверху или снизу телевизор слишком громко работает.

Она бросила взгляд на почти готовый салат и сглотнула голодную слюну. Обедать сегодня пришлось кое-как, практически на ходу, и теперь желудок требовал свое.

Она съела все до последнего листочка и с удовольствием выпила чаю с печеньем. А потом вдруг бросила все, быстро оделась и пошла в соседний подъезд.

Ну не давал ей покоя тот грохот и вскрик!

Совершенно уверенная, что дверь в квартиру закрыта, она дернула ручку и еле успела остановить резкое движение.

Дверь открылась, и обнаружилось, что внутри горит свет.

Совершенно позабыв об осторожности, Софья шагнула внутрь.

В коридоре никого не оказалось, и она прошла в комнату, стена которой как раз была общей.

Потом она часто думала, почему внутренний голос не подсказал ей, что там может поджидать опасность. Неужели отвыкла бояться? Или просто мозги в такие минуты автомати-

чески отключаются? Если они, конечно, есть.

В комнате было светло и грязно. Около развороченной старинной печной стены, выложенной кафелем, среди обломков валялась кувалда, а рядом лежало тело человека в рабочей форме.

Возле него на корточках сидел Иван Сергеевич и смотрел на нож, торчащий из спины пониже лопатки.

Софья не вскрикнула. Просто зажала рот рукой.

Иван Сергеевич поднял глаза и сказал:

– Здравствуйте, Софья Павловна.

Она кивнула и осталась стоять столбом.

– Полиция уже едет, – сообщил сосед таким голосом, словно это должно ее совершенно успокоить.

Софья моргнула и издала нечленораздельный звук. Чувствовала она себя как-то странно. Мозги, впрочем, продолжали перемалывать информацию.

Интересно, кто вызвал полицию, Иван Сергеевич? Но ведь он убийца. Зачем ему это делать? Или на него напали, а он просто защищался? Для чего рабочему нападать на хозяина квартиры? И как Иван тут оказался? Он только через неделю вернуться должен!

Ну хорошо. А зачем Ивану убивать рабочего? за то, что печку разворотил? Так она все равно не работала. Хотя это странно: бить кувалдой по печке. Для чего? Или это сделал сам Иван, а рабочий его застукал? Тогда почему нож торчит из спины?

Приезда полиции Софья ждала на лестничной площадке. Боялась не Ивана, а трупa. Уж больно страшно было на него смотреть.

Кстати, Иван Сргеевич был совершенно спокоен.

А потом понаехала куча народу, и начался сюр, который потом, как ни старалась, полностью восстановить в памяти она так и не смогла.

Кто-то куда-то все время шел, все вокруг двигалось, гудело на разные голоса, и это сбивало с толку.

Когда пухлощекий паренек, назвавшийся старшим лейтенантом Голохватовым, привел ее в квартиру, она, проходя в кухню, успела увидеть, как Иван, стоя над трупом, что-то показывает двум следователям. И вид у него, как у... постороннего.

Значит, убил не он? А кто?

Мучаясь сомнениями, Софья отвечала на вопросы румяного Голохватова сбивчиво и рассеянно. А парень не отставал, все спрашивал, интересовался и смотрел при этом очень пристально. Каждый жест ловил! Обалдевшая от всего происходящего, Софья подумала, что фамилия у него говорящая: такой голыми руками схватит и уже не выпустит.

После часа мучительного общения Софья перестала адекватно воспринимать реальность и никак не могла взять в толк, почему ее расспрашивают о Колобове и о том, как долго она с ним знакома. Потом лейтенант стал интересоваться каким-то Протасовым, и она с трудом сообразила, что это

фамилия Ивана. Самым неприятным было то, что история их знакомства вызвала на гладком лице Голохватова саркастическую улыбку, которую он даже не потрудился скрыть.

Ничего о нем не знаете? Виделись однажды? Дважды по телефону разговаривали? Сами нашли ремонтников? Хлопотали? Для незнакомого человека? Или вы все же были знакомы раньше, просто забыли? А в квартире сколько раз бывали? Одна или с кем-то?

Софья что-то вяло отвечала. На возмущение досужими предположениями у нее не было сил. Но окончательно доконали расспросы на тему: где она была во столько-то, что делала там-то. Ничего себе! Получается, и она под подозрением?

Во время всего разговора – или допроса? – в кухню, где они с Голохватовым сидели возле шаткого, накрытого газетами столика, то и дело входили разные люди и что-то делали. Что именно, она понять не могла. Один раз зашел Иван. Она подняла на него глаза и удивилась, что на нем нет наручников. Ведь он же преступник. Или нет?

Иван поймал ее взгляд и едва заметно кивнул. И что это значит?

Потом к ним подошла женщина, пахнувшая табаком и почему-то селедкой. Она сняла отпечатки с холодных Софьиных пальцев и молча ушла. Забежал какой-то тощий и вертлявый, наклонившись, что-то сказал Голохватову и хохотнул. Это уж совсем непонятно.

Затем заглянул какой-то юнец и сообщил, что обход соседей ничего не дал. Голохватов кивнул и взглянул на Софью с таким выражением, словно это она была виновата, что обход оказался безрезультатным.

Мимо пронесли на носилках труп. Софья сглотнула и спросила, можно ли выпить воды. Голохватов пожал плечами и даже не подумал поинтересоваться, не дурно ли ей. Вместо этого он остановил носилки и попросил взглянуть на убитого. Она взглянула и ответила, что человека не знает.

Как ни странно, мертвое тело сокрушительного впечатления на нее не произвело. Наверное, труп свежий, потому и выглядит как живой, подумала она и почувствовала огромную усталость.

Оказалось, что с ее появления возле трупа прошло черт знает сколько времени. Она пришла примерно в восемь, а теперь стрелка близится к десяти. Зачем ее держат? Ведь совершенно очевидно, что она тут оказалась случайно. Даже не свидетель, ведь самого убийства она не видела. И никого не встретила, когда поднималась в квартиру.

Когда ее в конце концов отпустили, она дошла до дома, пошатываясь.

Вот уж воистину – не делай добра, не получишь зла в виде трупа с ножом в спине!

Она легла не раздеваясь и долго дрожала в темноте под пуховым одеялом. Потом нащупала рукой выключатель от торшера и зажгла свет.

Так спокойнее.

Дамский платочек и то, что было в нем

Странно, но его не задержали. Должно быть, служители закона немного растерялись от невозможности представить, зачем хозяину, только что вернувшемуся из командировки, нападать с ножом на рабочего, делавшего в квартире ремонт. Впрочем, Иван был уверен, что растерянность не будет длиться слишком долго. Максимум до завтрашнего утра. А потом его задержат как подозреваемого в убийстве.

Значит, времени мало, а дел много. Нужно поговорить с Софьей. Она может испугаться его прихода, да и вообще, скорее всего, уже спит, но другого варианта все равно нет.

Иван вспомнил шоколадные глаза соседки и темные гладкие волосы, стянутые на затылке. Тоже шоколадные. У нее даже голос звучал... шоколадно. Не сладко и приторно, а мягко и как-то... непонятно как. Ну... словно звук скользит по облитой шоколадом стенке гортани.

Иван хмыкнул.

Да ты, брат, лириком заделался! Что ж, самое время.

Он еще немного подумал, а потом решительно вышел из квартиры и направился в соседний подъезд.

Он ожидал долгого топтания под дверью, но Софья открыла почти сразу и вылупила на него глаза, черные в сла-

бом свете коридорной лампы.

– Иван... Сергеевич?

– Софья, мне надо срочно с тобой переговорить, – быстро начал он, боясь, что она захлопнет дверь.

Она помолчала, глядя на него, как ему показалось, с ужасом, а потом распахнула дверь.

– Входи.

Он втиснулся в коридорчик и прислонился спиной к узкому шкафчику.

– Софья...

– Не в коридоре же... Проходи в квартиру.

Раз приглашает к себе, значит, не слишком напугана. Это уже неплохо. И даже не обратила внимание, что они перешли на ты.

Иван прошел в кухню и не чинясь сел за стол. Помедлив, Софья устроилась напротив и сцепила руки в замок.

Он не стал ничего объяснять и извиняться за вторжение. Начал с главного:

– Смотри, что я нашел.

Достав из кармана целлофановый пакетик, он осторожно вытряхнул на стол какую-то пыльную серую тряпочку.

Софья вытаращила глаза.

– Что это?

– Платок. Носовой.

– Носовой? Так. И... какой вывод я должна сделать из увиденного?

– Этот платок я нашел на месте преступления.

Софья раскрыла глаза еще шире.

– Где, пардон?

– В комнате, где был обнаружен труп.

– Господи боже! И ты не отдал полицейским? Почему?

– Интуитивно.

– И что это «интуитивно» значит?! Ты скрываешь от следствия улики?! Хоть представляешь, чем это может кончиться?!

Протасову показалось, что реагирует она слишком бурно, поэтому он чуть отодвинулся от стола, принял расслабленную позу и заговорил самым спокойным голосом, который смог найти в своем арсенале.

– Понимаешь, я не уверен, что это улика. Я же не у трупа ее отнял. И лежал платок довольно далеко – в куче мусора у самой стены.

– Все равно, – упрямо тряхнула головой Софья, но заговорила тише. – Это может иметь отношение к убийству.

– Может иметь, а может не иметь.

– Тогда почему мы о нем говорим?

Логику включила. Молодец.

– Пока не знаю, но мне кажется, что это важно.

– Что именно?

– Выяснить, чей платок и, самое главное, что в него было завернуто.

– С чего ты взял, что было?

– А вот смотри.

Иван осторожно развернул платочек и разложил на столе.

– Видишь сгибы? Так, так и так. В платке точно что-то было. Какая-то небольшая и плоская вещичка. Что, по-твоему, это может быть?

– Да откуда я знаю?

Софья нагнулась и поводила носом.

– Фу! Пахнет отвратно.

– Думаю, он тут давно.

– А тут – это где? В куче мусора?

– Нет, в печке. Предположу, что платок был спрятан в печи. В конструкции голландок я ориентируюсь плохо, но где-нибудь в дымоходе или в районе вьюшки.

– И сколько, по-твоему, он там лежал?

– Сто лет, – быстро ответил он.

Софья приподняла левую бровь. Красивую. Шоколадную.

– Неужто? Прямо сто лет? Да за это время он давно бы истлел.

– Это если не упаковать его в металлическую коробочку.

Шоколадные глаза блеснули интересом.

– Ты еще что-то нашел?

– Нашел. Правда, не сразу связал с платком.

Иван, как фокусник, достал и выложил перед Софьей куски того, что в самом деле отдаленно напоминало коробку.

– На нее наступили и раздавили. Но в лупу можно рассмотреть год, когда были сделаны эти леденцы.

– Какие еще леденцы?

– В этих коробочках до революции леденцы продавали. Моя мама в такой хранила шпульки и иглы для швейной машинки. На этой сбоку написано: одна тысяча девятьсот одиннадцатый.

– Но почему ты уверен, что платок хранился именно в ней?

– Раньше я ее тут не видел и не думаю, что кто-то мог принести коробку с собой. А кроме того, взгляни: следы пребывания в печке видны очень четко. Конечно, огонь ее не касался, но все равно – копоть. Платок хранился в коробке, а в него было что-то завернуто. Очень ценное, точно не шпульки.

– Иначе зачем прятать! – воскликнула сообразительная Софья.

Иван чуть было не улыбнулся, но сдержался и просто кивнул.

– Вот именно.

Софья кончиками пальцев дотронулась до платка.

– Коробочка закрывалась плотно. Платок неплохо сохранился.

Она нагнулась и вдруг схватила Ивана за руку.

– Тут чьи-то инициалы вышиты!

– Где? Я не заметил.

Они склонились над столом голова к голове.

– Было вышито белым по белому, поэтому плохо видно.

Но, подожди... Буквы можно разглядеть. «Л» и, кажется, «Р». И виньетки.

Она подняла глаза и вдруг очень близко увидела его лицо. И темную щетину на подбородке. И внимательный глаз в щеточке ресниц. И родинку на щеке. Возле уха.

Шея сразу стала нагреваться. Краснеть собралась, сволочь? Ну уж нет.

Софья быстро выпрямилась, отодвинулась, кашлянула и сказала как можно равнодушнее:

– Инициалы хозяина.

– Точнее хозяйки, – уточнил Иван, глядя на ее манипуляции с удивлением. – Платок явно женский. Как считаешь, это вообще реально – выяснить, кто она?

– Смеешься? Конечно, нет. Людей с такими инициалами миллионы!

– Но известны не только инициалы. Примерно можно определить время и точно – место. В принципе, выяснить, кто жил в этой квартире до меня, несложно. Даже если искать с начала прошлого века. Дом-то непростой, и люди в нем жили непростые. Я попробую. На правах хозяина недвижимости. Думаю, информацию можно получить довольно быстро.

Софья взглянула на него с сомнением, но почему-то отговаривать не стала, а неожиданно для себя предложила попытаться счастья с инициалами. Предложение звучало неуверенно, ведь не факт, что платок принадлежал кому-то из хозя-

ев, но Иван взглянул с такой благодарностью, что она вдохновилась.

– В самом деле! А вдруг повезет? Вариант с вензелем тоже надо попробовать. Один шанс на миллион, но вдруг его узнают.

– Кто?

– Мои родители. Они историки. Хотя, подожди, есть вариант получше! Близкий друг моей мамы Бенедикт Фомич работает в историческом архиве. Как раз первой половиной прошлого века занимается. Недавно виделись. Он мне даже книгу свою подарил. Его интерес – выдающиеся личности. Писатели, художники, ученые, просветители, полководцы. Он исследовал их влияние на что-то... Не помню, на что. Вдруг сможет помочь. Вероятность ничтожно мала, но все же.

– Как ты ему объяснишь, откуда платок?

– Не буду я ничего объяснять! Покажу фотографию. Вряд ли он станет меня в чем-то подозревать.

Софья сфотографировала платок и, глядя на него, задумчиво произнесла:

– Что же все-таки в него заворачивали?

– Была бы возможность сделать экспертизу, – в тон ей сказал Иван.

– В полиции могли бы.

– Могли бы.

– Тогда что мешает?

– Мысль, что платок и то, что в нем было, могут ухудшить и без того хреновое положение.

– Чье?

– Мое. Я вообще удивляюсь, почему я до сих пор не в изоляторе по подозрению в убийстве.

Софья быстро посмотрела и отвела взгляд. Она тоже была удивлена этим обстоятельством. По крайней мере, до его прихода.

– Этот человек был убит моим ножом. Представляю, сколько там моих пальцев осталось!

– Но ведь убийца тоже держал его в руках.

– Уверен, что на нем как раз были перчатки.

– Откуда такая уверенность?

Иван помолчал, словно обдумывая что-то, потом взглянул на нее и заявил:

– Я абсолютно убежден, что убийство не было случайным. Шоколадная бровь дрогнула. Он заторопился.

– Я все внимательно осмотрел, когда пришел. Никаких следов драки. Ничего! К человеку подошли со спины и ударили. Без лишних слов.

– А печку кто разворотил?

– Думаю, дело было так. Убийца следил за рабочим – если он действительно рабочий – и знал, зачем тот вернулся в квартиру после того, как вся бригада ушла. Он подождал, пока рабочий сделает свое дело – то есть разворотит печку и достанет коробку, – потом очень быстро зашел, убил, забрал

то, что было завернуто в платок, и ушел. На все про все ушло минут пять, а то и меньше.

Софья смотрела во все глаза. Рассказывает, будто сам видел. Это подозрительно. Или нет?

– Ничего другого я предположить не могу. Если выяснить, что достали из печки, можно вычислить убийцу.

И как, интересно, он собирается выяснять? Не лучше ли предоставить это профессионалам?

– А почему ты не хочешь, чтобы вычислениями занялись в полиции? – спросила она, пытаясь уловить его реакцию.

– Не то чтобы не хочу, но...

– Не доверяешь правоохранительным органам?

– Дело не в доверии. Просто уж больно моя версия напоминает приключенческий роман. Менты не воспримут ее серьезно. Вот если бы у меня на руках были весомые факты, а не просто раздавленная коробка и пыльный платок, тогда конечно.

– Ты потому и пришел? Хочешь, чтобы я тебе помогла добыть эти самые факты?

– Ни в коем случае! Узнаешь что-то про хозяйку платка, и на том спасибо!

– А если ничего не узнаю? Это же как пальцем в небо ткнуть!

– Тогда забудь об этом деле, и все.

– Не дури мне голову. Ты не за этим пришел.

Умная какая. Иван вздохнул. Зря он явился.

– Я просто хотел оставить платок и коробку у тебя. Больше нигде их хранить.

– Спасибо за доверие, но ты меня недооцениваешь!

Иван нахмурился.

– Пойми, все, что мы тут насочиняли, возможно, не имеет никакого смысла.

– А если имеет?

– Тогда тем более. Не хочу тебя втягивать.

– Ты уже втянул!

– И жалею об этом. Вдруг мне придется... задержаться в кутузке.

– Глупости! Тебя отпустят через два дня. Зачем хозяину квартиры убивать рабочего? Про коробку в полиции ничего не знают, значит, мотива у тебя нет.

– Но других подозреваемых тоже. Пока они не появятся, меня будут держать в камере и попытаются...

– А как убитый узнал о коробке? – перебила Софья.

– Очень интересный вопрос. Возможно, он жил здесь раньше, знал, что тут хранится ценная вещь, и как только нашел способ до нее добраться...

– Или сам спрятал коробку в печке, а потом вернулся за ней, когда узнал, что в квартире делают ремонт и могут найти тайник.

– Вряд ли сам. Коробка пролежала внутри не менее...

– Ста лет? Уверен? Нельзя судить по дате изготовления леденцов.

– Возможно, но коробку спрятали очень давно, поверь. Не год и не два назад.

Софья покрутила головой. Убитый все не давал ей покоя.

– Я узнаю у Колобова, кто он таков, этот мужичок, и как попал в бригаду.

– Да с чего ты взяла, что он из бригады? То, что на нем была рабочая одежда, ни о чем не говорит.

– Полиция установит личность, и мы узнаем...

– Ничего не узнаешь. Ты вообще ни при чем.

Она вздернула подбородок и взглянула, как ей казалось, бесстрашно и гордо.

– Я попробую чем-нибудь помочь.

– Софья, нет!

– Я умная.

– Это я уже понял, но дело не в этом. Судьба рабочего тебя не впечатлила? Неужели непонятно? Если ты хоть на миллиметр приблизишься к убийце...

Наверно, Иван прав. Даже не наверно, а точно. Мероприятие практически безнадежное. Что мы, собственно, можем: выяснить, кому принадлежат инициалы? Ну выясним, и что это даст? Возможно, звали ее Люсинда Рывдайкина, и она никогда тут не жила, а платок – просто подарок милому дружку. Узнать, что было завернуто в этот дурацкий платок? Каким образом? Это же невозможно без специального оборудования! Сведения о бывших жильцах вообще могут повести по ложному пути. А если выяснится, что убитый ника-

кой не рабочий из бригады Колобова, то что остается? Ровным счетом ничего! Только ждать, когда Ивана посадят за убийство.

И зачем он вообще к ней пришел? Чем она может помочь?

А с другой стороны, раз пришел, значит, ему важно, чтобы она, Софья, поверила. Ведь так?

Она взглянула пытливо и увидела, что он смотрит на нее с нешуточной тревогой.

Жаль, что когда-то ей в голову не пришло поступить на юридический. Сейчас бы разложила цепочку дедуктивных умозаключений, и все стало бы ясно. А так придется действовать методом научного тыка.

Иван видел: несмотря на очевидную бесперспективность и нешуточную опасность, которая ей грозит, Софья борется с искушением ввязаться в расследование. Он решил надавить посильнее:

– Софья Павловна, я вас убедительно прошу, откажитесь от вмешательства в это дело. Вы не специалист. Все кончится плохо. Очень плохо. Непоправимо плохо.

– Я знаю.

– Если меня арестуют – а в этом я почти не сомневаюсь, – ты останешься одна. И тогда опасность удесятерится.

– Я понимаю.

– Если ты умная, то немедленно дашь слово ничего не предпринимать! Мне и так будет тошно в камере, не прибавляй беспокойства за твою жизнь.

– А зачем тогда ты мне все это рассказал? Меньше знаешь, крепче спишь.

– Мучила мысль, что ты считаешь меня убийцей.

– Я не считаю.

– Я же видел твои глаза, когда ты вошла.

– Просто в стрессе была. Но я так не думаю.

– Это успокаивает. Так что? Обещаешь?

Софья опустила глаза и кивнула.

– Обещаю.

Иван посмотрел и не поверил.

Какого черта он к ней заявился? Вот ведь дурак! Поддался порыву, а надо было сначала голову включить и подумать, к чему его рассказы, версии и домыслы могут привести. Ведь сразу же понял, что эта женщина не робкого десятка, еще когда она заявила ругаться из-за дрели.

Как теперь отмотать назад, заставить ее забыть все, что он наговорил?

Иван уже было открыл рот, собираясь толкнуть прочувствованную речь, но вдруг понял: он пришел вовсе не для того, чтобы оставить на хранение платок, и даже не для того, чтобы уверить ее в своей невиновности.

Просто хотел еще раз увидеть эти шоколадные глаза и услышать завораживающе мягкий и тоже шоколадный голос.

Ну и как? Увидел и услышал?

Придурок ты, Ваня!

Протасов даже зубами скрежетнул, а потом решительно

поднялся и направился к выходу.

– До свидания, Софья Павловна.

– До свидания, Иван Сергеевич.

Она даже не встала, чтобы его проводить.

На следующий день утром Ивана задержали.

Если свербит в попе

Софья видела в окно, как подъехала машина, трое зашли в подъезд, а потом вышли с Иваном. Никаких наручников на нем не было. Он просто сел в машину, и все.

Придя на работу, она перво-наперво позвонила Игорю и уже через минуту знала, что убитый действительно не имел никакого отношения к бригаде, никогда в квартире не появлялся и никому из рабочих не известен. Но Колобов знал не только это. Оказывается, документов при трупe не нашли и личность его до сих пор не установлена.

Итак, тупик, и менты об этом знают. Теперь как пить дать начнут выколачивать признание из Протасова, которое называется «чистосердечным». То есть надо взять и признаться в убийстве, чтобы сердце очистилось окончательно и наконец застучало, как пламенный мотор.

Весь рабочий день она думала о том, что произошло, поэтому безбожно косячила во всем, чем пришлось заниматься. Даже Ирочка Соловьева заметила: с начальницей что-то не так, и с фальшивой тревогой в голосе поинтересовалась, хорошо ли та себя чувствует. Софья посмотрела на нее задумчивым взором и пошла к директору отпрашиваться. Ей казалось, дома она сможет собрать мысли в кучку и что-нибудь придумать. Что именно надо придумать, она не знала, но чувствовала — должна.

Совершив привычный обряд раздевания и умывания, Софья налила в кастрюлю воду под макароны, достала из холодильника лангеты в упаковке и поставила на огонь сковороду. Сейчас она приготовит ужин и с аппетитом поест. А потом? Потом сядет и будет думать. О чем? О платке и инициалах этих несчастных, будь они неладны!

Или... включит телевизор и ляжет на диван с книжкой. Она ведь обещала ни во что не влезать.

Обещала, черт побери! Знать бы, зачем она взяла на себя это окаянство! Эх, надо было хоть пальцы за спиной скрепить!

Забыв про сковородку и закипающую воду, она отправилась в комнату и достала из стола оставленные Иваном вещи.

Платок притягивал ее как магнитом. Что же такое интересное в нем лежало? Софья разложила тряпочку на столе и впиалась в нее глазами.

Визуально то, что было завернуто, очень походило на небольшую плоскую коробочку, примерно шесть на восемь сантиметров. Слиток золота? А может, специальная пластина, которая нужна для производства фальшивых купюр? Странная должна получиться купюра. А если слиток, то сколько в нем может быть веса? Достаточно для того, чтобы из-за него убить человека?

Она нагнулась, рассматривая серую тряпочку. Нет, если бы в платок завернули что-то тяжелое, сгибы были бы гораздо четче. Значит, легкое. Что? Да черт его знает!

Ну хорошо, попробуем зайти с двадцать пятой стороны. А если подумать в сторону инициалов, как она предлагала изначально? Что это даст? Да ничего! Возможно, они тут вообще ни при чем. Взяли первую попавшуюся тряпку и завернули в нее какую-то вещь.

Ну а если все-таки инициалы имеют значение? Именно в них весь смысл? Вдруг это пароль?

И тут о себе напомнила сковорода. Почуяв мерзкий химический запах, Софья рванула на кухню, выключила конфорки, открыла форточку и едва успела спасти несчастную от трагической гибели.

Вода в кастрюле тоже почти выкипела. Ну и ладно. Все равно есть совершенно не хочется.

Софья задумчиво постояла над плитой, а потом достала телефон и позвонила Бенедикту Фомичу Закряжскому.

Фомич никогда не откажет в помощи. Если уж он ничего не сможет сказать, тогда она откажется от своей затеи и будет старательно выполнять данное Ивану обещание.

Бенедикта Фомича как только не называли! Бенедиктом, когда хотели выразить уважение к его авторитету и научным достижениям, Фомичом, когда собирались предложить выпить по маленькой после работы, Фомой за поистине библейскую недоверчивость ко всему, что выходило за рамки его представлений о жизни, и, конечно, Беней за принадлежность к библейскому народу.

Софья была знакома с Закряжским с рождения и не представляла, что его может не быть. Когда-то Бенедикт с мамой учились в одной школе, потом на одном факультете, вместе защитили диссертации и продолжали вращаться в одних и тех же кругах. У обоих были семьи, но они никогда не теряли связь и очень этим гордились. «В наше время верная дружба – такая редкость», – говорила мама и закатывала глаза. Впрочем, они при этом становились очень хитрыми.

На звонок Закряжский откликнулся сразу и первым делом спросил, все ли в порядке с Аллой Николаевной. Софья уверила, что у мамы отличное здоровье, и сразу приступила к делу.

– Инициалы на платке? – переспросил Бенедикт, выслушав. – Это интересно. Несколько странно, конечно, но... если ты просишь, я посмотрю. Приезжай завтра вечером, так после шести.

Ничего особенного он ей не сказал, но Софья вдруг вдохновилась. Чем черт не шутит, а вдруг?

Весь следующий день она думала о предстоящей встрече и почти не вспоминала об Иване. Или просто боялась?

В преподавательской, где она отыскиала Закряжского, было многолюдно и шумно. Оказалось, профессора и доценты с аспирантами отмечают долгожданный уход на пенсию надоевшего своим маразмом и давно страдающего деменцией академика. Сам виновник торжества при этом не присутствовал, что добавляло веселью искренности и демократиз-

ма.

Софья быстро оценила ситуацию и поняла, что должна действовать решительно. Она ловко оттерла Бенедикта от дружеской компании и увела в кабинет.

Сам потом спасибо скажет. Если не он, то Фаина Ростиславовна точно.

Бенедикт немного посокрушался, что не успел произнести придуманный заранее, отрепетированный и весьма остроумный тост, но быстро остыл и даже пробормотал что-то вроде «грешно смеяться над больными людьми» и «все там будем».

– Софья, дорогуша, простите сорванца. Увлёкся, ей-богу, увлёкся! У вас ко мне важное дело, я помню.

Софья приложила руки к груди. Важное. Очень важное.

Прокашлявшись и поправив галстук, Бенедикт Фомич достал из левого кармана очки и навел на предъявленную ему фотографию на манер лорнета.

– Ну, прежде всего, инициалы женские, – заявил он после вдумчивого разглядывания.

Тоже мне – Америку открыл!

– Это я и так поняла. Вряд ли мужики даже сто лет назад пользовались вышитыми платками.

– А вот тут вы ошибаетесь, моя милая. Ещё как пользовались! Платок был важной частью туалета, а помеченный инициалами – ещё и признаком определенного статуса владельца. Но вот тут на фото четко виден край. Мужские плат-

ки такими кружевами не украшали. Да и тип вензеля женский. Виньетки слишком фантазийные, затейливые. Цветочная тема. Сразу видно, что он принадлежал девице юной и романтической. По крайней мере, таковой она была на момент, когда вышивала вензель. Л – имя, Р – фамилия. В русской традиции на первом месте всегда ставилось имя.

– Ну да. У меня тоже куча знакомых с такими инициалами. Людмила Рюмина, Лилия Ромашина...

– Может, и Рюмина. Может, и Ромашина, – задумчиво произнес Бенедикт Фомич, продолжая внимательно рассматривать изображение. – Я вижу некоторые элементы фамильного герба. Иными словами, эта женщина не в крестьянской избе выросла. Она из дворян и, похоже, с немецкими корнями. Могу ошибаться, конечно, но в те времена к написанию родового имени относились серьезно.

Он немного помолчал, словно сомневаясь, а потом сообщил, что вензель кажется ему смутно знакомым. Возможно, он уже где-то встречался с подобным.

Софья воспряла духом и принялась приставать с горячими мольбами о помощи.

– Вы сможете выяснить? – в сотый раз спрашивала она, прибавляя умоляющие жесты.

– Если это возможно выяснить в принципе, то да. Нельзя исключать, что данный вензель – лишь следствие полета фантазии какой-нибудь Люси Ряшкиной из швейной мастерской.

– Все равно хочется верить в лучшее.

– А почему это для вас так важно? – спросил удивленный ее настойчивостью Бенедикт Фомич.

Софья приготовилась врать, но Закряжский одернул самого себя:

– Впрочем, сие совершенно не мое дело. Простите.

Софья благодарно улыбнулась и на радостях благословила профессора на дальнейшее распитие спиртных напитков в компании единомышленников.

Немного поколебавшись, Бенедикт скакнул козленком и умчался.

Вечером, оставшись одна, Софья задала себе тот же вопрос: действительно, почему это для нее важно? Зачем, не испугавшись обещанных Протасовым бед, продолжает лезть в это дело? Ведь она не наивная искательница приключений на свою задницу. Умная взрослая женщина. Ей негоже...

А, собственно, можно ли утверждать, что она куда-то там лезет? Подумаешь, какое опасное предприятие – выяснить, кому принадлежали инициалы на платке! Смешно говорить! Даже из простого любопытства вполне можно этим заняться. Абсолютно никакой опасности!

А с другой стороны, стала бы она суетиться, если бы дело не касалось Ивана?

Вот блин-компот!

Неужели всему виной распрекрасный Иван Сергеевич Протасов? Глупо. Наверняка где-то его ждет жена с малют-

кой сыном. Не может быть, чтобы никакой жены не было. С такими мужиками подобных коллизий не случается. И потом, ей что, собственных проблем мало? Одного Кирилла достаточно, чтобы страдать от изжоги еще лет пять!

В конце концов она решила, что ею движет пусть нездоровое, но обыкновенное любопытство.

И все!

Никаких Иванов Сергеевичей!

Софья расстелила постель, надела пижаму и легла.

Вот бы еще выяснить, что именно было завернуто в платок. Но как?

Она покрутилась, выискивая удобную позу, и вдруг вспомнила, каким смешным показался ей Иван в наряде Деда Мороза.

Она даже приснула в подушку и тут же словно увидела, как он шел к машине, когда за ним приехала полиция.

Как он там, в камере?

Спала Софья тревожно – видимо, мысли о томящемся в неволе соседе мешали, – а утром, суша волосы после душа, вдруг хлопнула себя по лбу.

Как она могла забыть о Маришке Шармановой? Она же химик! Передовой химик всех времен и народов! Ну и пусть они уже два года в ссоре. Поссорились-то из-за Кирилла. Сейчас он свободен, и Маришка вполне может снова побороться за обладание этим куском дерь... – тьфу! – подарком человечеству! А вот, кстати, и повод для встречи! Возмож-

но, бывшая подруга не в курсе, что ситуация изменилась. Так надо ее обрадовать! Будем надеяться, что Кирилл все еще в зоне Маришкиного интереса!

Софья критически осмотрела себя в зеркало и неожиданно подмигнула своему отражению.

А что такого она делает? Ничего криминального! Ей просто интересно знать, из-за чего весь сыр-бор! Разве это так уж опасно? Ничуть!

Вдохновившись вновь открывшимися перспективами, Софья быстренько собралась и выбежала из дома чуть ли не вприпрыжку.

Как же здорово она все придумала!

Несмотря на то что Маришка уже дважды побывала замужем, она всегда представлялась девичьей фамилией и, сложив губки бантиком, уточняла, что Шарманова – от слова «шарман». Иногда это срабатывало. Во всяком случае, Кирилл на этот «шарман» точно повелся. Ни его, ни Маришку не смущало, что Софья им обоим вроде не чужая и вообще – почти все время находится рядом и своими глазами наблюдает, как лучшая подружка активно окучивает ее мужа, который, в принципе, совсем не против.

Тогда Софья среагировала жестко. Подружка была изгнана из их с Кириллом жизни, но с тех пор много воды утекло, и, возможно, настало время возродить подобие былой дружбы. Так сказать, почистить карму и закрыть гештальт, зарыв

топор уже бессмысленной войны.

К предложению встретиться в кафе за чашкой чаю Маришка отнеслась подозрительно и, мягко говоря, не сильно обрадовалась. Видно, крепка была обидашка!

Пришлось Софье поднатужиться. Убедить Шарманову в своих добрых намерениях оказалось непросто, но та в конце концов сдалась и на встречу старых подруг согласилась.

Софья стала мысленно готовиться к встрече, перебирая в голове варианты заходов к Маришке по поводу того, что ей от нее нужно. Тут позвонил Бенедикт Фомич с сообщением, что задачка оказалась не так сложна, как думалось вначале.

– Удалось выяснить, чей это платок? – не веря, что Бенедикт смог так скоро докопаться до истины, спросила она.

– Лучше рассказать обо всем не по телефону, моя милая Софа.

– Уже бегу, дорогой Бенедикт Фомич!

Софья покидала в сумку телефон, пудреницу и помаду, забежала к начальству предупредить, что ей срочно надо к зубному, и помчалась к старику Закряжскому на свидание.

Это же надо, как все замечательно складывается! Вот что значит чистосердечные намерения! То-то Иван Сергеевич удивится!

Бенедикт был спокоен и торжественен, всем своим видом являя величие академической науки. Софья чмокнула старика в щеку и, с ходу сообщив, что у Аллы Николаевны все хорошо, приготовилась услышать нечто чрезвычайно инте-

ресное.

Бенедикт начал замысловато.

– Еще при знакомстве с данной вещью я сразу сказал, что вензель кажется мне смутно знакомым. Так вот, научное чутье не подвело. Разумеется, моя версия нуждается в дополнительных исследованиях с целью подтверждения права на абсолютную достоверность, но уже сейчас я могу с уверенностью на восемьдесят шесть или даже восемьдесят девять процентов утверждать, что этот платок принадлежал женщине с королевскими амбициями!

– Ну и кто она? – нетерпеливо спросила Софья.

Бенедикт, который не собирался лишать себя удовольствия поинтриговать, пропустил вопрос мимо ушей.

– А знаете ли вы, Софья Павловна, что эта женщина однажды зачеркнула инициалы императрицы, которые та нацарапала бриллиантом на стекле – это было на царской яхте «Межень», – и написала свои? Тоже бриллиантом, и, наверное, покрупнее! Вместо А Р нацарапала Л Р! Она мнила себя выше несчастной Александры Федоровны!

– Бенедикт Фомич, хватит меня мучить! Ну да! Я из рабоче-крестьянского сословия! Плохо образована!

Бенедикт иронически изогнул бровь.

– Вы же в музее работаете.

– Заместителем директора по финансовой части.

– Но вы же дитя двух историков! У вас горячая гуманитарная кровь!

– Кровь у меня математическая и, смею вас заверить, довольно холодная.

– Полно прибедняться, дорогуша. Впрочем, вам это идет. Ну ладно, как говорит мой внук, не будем тянуть кота за яйца, Софья Павловна.

Софья Павловна поперхнулась и закашлялась. Бенедикт с невозмутимым видом постучал ее по спине и объявил:

– Сии инициалы принадлежат Ларисе Рейснер. Богине, комиссарше, валькирии революции!

Софья наморщила лоб. Рейснер? Вроде бы что-то слышала. Но картин для их музея она не писала, это точно.

– Нет, картин не писала, – кивнул Бенедикт. – Она писала стихи, но очень слабые. А, впрочем.

Сегодня, как вчера, озлобленно-усталый
Я отдохнуть пришел в безлюдный Эрмитаж.
И день благословил серебряный и талый,
Покрывший пепельной неясностью порталы,
Как матовым стеклом анатолийских ваз.

– Слышите? Озлобленно-усталый – это живо, это цепляет. Софья взглянула в хитро прищуренный под нависшей бровью глаз.

– Хватит меня дурачить, Бенедикт Фомич. Во всем четверостишье два нормальных слова – «безлюдный Эрмитаж», все остальное – мишура.

– Не будьте так строги к молодому дарованию. Ей всего

двадцать на тот момент стукнуло.

– Это извиняет ее бездарность?

– Вы безапелляционны, как Зинаида!

Софья поняла, что Бенедикт с ней играет и собирается, как всегда, выйти из словесного пинг-понга победителем. Ну уж нет! Она не даст положить себя на лопатки!

– Если вы о Зинаиде Гиппиус, то в этом я с ней солидарна.

– Кстати, с ней был солидарен и Николай Гумилев, что не помешало ему совратить юную поэтессу. Представляете, для первого свидания он выбрал бордель на Гороховой! Там все и случилось.

– Негодяй какой!

– Что с него взять! Поэт обязан быть повесой. Он сделал Ларисе предложение, а вместе с ней – Анне Энгельгард и еще троим. Он то и дело предлагал барышням руку и сердце.

– Так он вроде... на Ахматовой был женат?

Бенедикт беспечно махнул рукой.

– Ну и что? Сегодня женат, завтра свободен!

Софья сделала строгое лицо.

– Станные у вас взгляды на брак, Бенедикт Фомич.

Бенедикт втянул голову в плечи и повертел головой: не дай бог Фаина Ростиславовна рядом и слышит.

– Что вы такое говорите! У меня как раз вполне традиционные. Даже закоснелые. Это ж про него!

– Я поняла.

– Но настоящий Гумилев не в этом, поверьте. Перед рас-

стрелом он сам копал себе могилу и стоял над ней с окровавленным лицом и улыбаясь.

Бенедикт моргнул и спохватился.

– Мы, кажется, увлеклись поэзией.

– Нет, для меня это важно. Прежде всего, я жажду знать, как вы установили личность хозяйки платка.

– Заметьте, я не сказал, что уверен в своих выводах на сто процентов. Только на восемьдесят шесть.

– Вы сказали – на восемьдесят девять.

– Три дополнительных процента я отнес к научной интуиции.

– И что это значит?

– Это означает, что меня осенило предчувствие своей правоты.

– А...

– Именно так. В последний раз подобное ощущение позволило мне получить престижный грант от Национальной академии гуманитарных и социальных наук Соединенного Королевства.

– Ого! – восхитилась Софья и посмотрела на Закряжского с уважением.

Бенедикт Фомич приосанился и принял позу Наполеона на картине Жака Луи Давида. Выглядело это потешно, но занятая другими мыслями Софья даже не улыбнулась.

– Мне надо узнать о Рейснер как можно больше. Не могу сказать почему, но это очень важно.

– В таком случае вы должны посетить нас с Фаиной Ростиславовной на дому. Да-да! На дому! Рассказ будет длинным и, поверьте, захватывающим. Из поэтессы в комиссары Балтийского флота, а из жены посла – в бойца на баррикадах!

– Она прожила долгую жизнь?

– Отнюдь. Умерла в тридцать. От тифа. Так что, придете? Софья с готовностью кивнула.

Она готова была бежать сразу. Ее просто распирало от непонятого куража, совершенно непохожего на простое любопытство и уж тем более несвойственного такой уравновешенной особе, как Софья Бриль.

Оказывается, дело вовсе не безнадежно. Если так пойдет, скоро она узнает, что было спрятано в тайнике. А это вам не фунт изюма, как любит говорить папа!

Вот бы и Маришка не подвела!

Короткими перебежками по косой

Однако уломать бывшую подругу оказалось не так легко, как старика Закряжского. Цепкая Маришкина память хранила пространный перечень обид, когда-либо нанесенных разными людьми, среди которых Софье отводилось почетное место. Шутка ли: прилюдно продемонстрировать презрение к ней, милому и доброжелательному человеку! Еще вчера они весело проводили время на пляже у залива, а на следующий день эта стерва просто прошла мимо, как будто она пустое место. А ведь Мариша окликнула подругу и даже шагнула навстречу, вытянув губы для дружеского поцелуя! И все, абсолютно все видели, как она стояла потом, сгорая от неловкости!

Такое вообще прощать нельзя! Особенно если ты ничем не заслужила подобного обращения!

Софья застала подругу одиноко сидящей за столиком с поджатыми губами и глазами, подернутыми влагой незаслуженных обид.

– Привет, Мариша! Прекрасно выглядишь! Сколько не виделись, а ты ничуть не изменилась! – с ходу запела коварная Софья, разглядывая подругу с преувеличенным восторгом. – Признайся, ездила на Мальдивы? У тебя дивный средиземноморский загар!

Никакого средиземноморского загара на Мальдивах, на-

ходящихся в Индийском океане, быть не могло, но Софья не сомневалась, что Маришка об этом не догадывается.

– А похудела как! – продолжала она заливаться сладко-голосой сиреной. – Поделись диетой. Я растолстела ужасно! Влезаю только в пятидесятый, представляешь?

Это тоже было враньем, но чем не пожертвуешь ради достижения благой цели!

Маришка слушала, приподняв брови и глядя вроде бы с недоверием, но Софья была уверена: зацепило! С ходу отдать сопернице лавровый венок победительницы – ничто так не тешит женское тщеславие!

Софья подозвала официанта, чтобы сделать заказ, а сама исподволь поглядывала на меняющееся выражение лицо Шармановой. Еще минута, и лед тронется. Она решила сделать финишный рывок и, глубоко вздохнув, призналась, что всегда завидовала Марининой фигуре.

– У тебя классические песочные часы, самая выигрышная форма. Не то что у меня. Живот уже прет всюю!

Маришка наконец разлепила губы.

– Конечно, мышцы следует держать в тонусе. Тебе нужно регулярно заниматься на тренажерах. Мне, знаешь, тоже не даром все дается. Разумеется, такой нужды, как у тебя, у меня нет, но ходить на фитнес приходится не реже трех раз в неделю.

Софья проглотила «нужду» не моргнув глазом и печально вздохнула.

– Тебя все равно не переплюнуть. Да теперь и стимула нет.

– Неужели? – тут же трепыхнулась Шарманова. – А Кириллу разве все равно?

– Ты не в курсе? Мы разошлись.

Официант принес заказ и задержался у столика, расставляя блюда. Софья исподтишка кинула взгляд на подругу. Переваривает. Вон даже щеки вспыхнули. Значит, Кирилл еще в цене.

Давай, Соня! Куй, пока горячо!

Чередуя кислую мину с обиженной физиономией и подергивая как бы в волнении ворот скромной серой водолазки, Софья рассказала, что расстались они по причине вдруг возникшей у Кирилла непонятной холодности. Произошло это – ну ты помнишь? – после пикника на заливе. Она тогда была в таком стрессе, что ничего и никого вокруг не замечала. Неужели он влюбился в другую? Все у них было нормально, а тут муж стал холоден как лед и задумчив, представляешь?

Маришка отлично представляла. Так вот, значит, что тогда произошло! Кирилл в самом деле влюбился, и ей отлично известно в кого. Ведь тогда на заливе с ними была именно она. Непонятно только, почему за два года Кирилл ни разу не позвонил. Конечно, скандалы, развод, раздел имущества, но как-то обозначиться мог! Неужели испугался быть отвергнутым? Конечно, после расставания с этой стервой ему понадобилось время, чтобы прийти в себя. И что теперь делать, звонить первой? Так сказать, выразить сочувствие и предло-

жить дружескую помощь? Вариант вполне светский. Заодно можно прощупать, каковы его намерения и готов ли он к новым отношениям.

Софья наблюдала за пробегающими по хорошенькому личику Маришки мыслями, и ей было немного грустно. Ведь она считала эту профурсетку близким человеком, советовалась с ней, доверяла...

Однако сейчас надо думать о другом.

– Знаешь, Кирилл сложный человек, – задумчиво произнесла она, помешивая чай ложечкой. – К нему нужен подход. Хотя мы расстались, я желаю ему счастья, пусть и с другой.

Маришка поерзала, сгорая от желания узнать, какой именно подход нужен к Кириллу, а Софья продолжала:

– Нам обоим нужна поддержка в этот непростой период. Скажи, я могу на тебя рассчитывать?

От неожиданности Маришка, не жуя, проглотила кусок огурца. Рассчитывать? Софье? Вот уж чего ей меньше всего хочется! Если кто и может на нее рассчитывать, это только Кирилл. Впрочем, отвергать Софью сейчас глупо. Бывшая жена может быть полезной. Ведь не зря она упомянула про особый подход к наполненному сложными переживаниями Кириллу.

Что ж, будем делать вид, что мы по-прежнему подруги. Но лишь до тех пор, пока Кирилл не окажется в ее объятиях.

– Вы встречаетесь? – равнодушно спросила Маришка, запивая огурец апельсиновым фрешем.

– Изредка, – соврала Софья. – Я сейчас слишком занята. Новое жилье, надо обустроиться... Ну, ты понимаешь.

– А Кирилл?

– Он все там же.

– А... – протянула Маришка, и ее глаза вспыхнули охотничьим азартом.

Софья это заметила и тут же сказала:

– Кстати, Мариш, не сможешь мне в одном деле? Это по твоей специальности.

Подруга сразу сделала скучное лицо.

– Это для тебя несложно, – усиливая просительную интонацию, снова запела Софья. – Ты же химик с большой буквы.

– Тебе нужен химический анализ?

– Точно. Помоги мне узнать, что было завернуто в... платок.

Маришка вытаращила голубые глаза.

– Что?

– Не пугайся. Ничего особенного. Просто одну вещь сначала завернули в платок, а потом вынули. А платок остался.

– Ничего не понимаю. Это какой-то криминал?

– Что ты! Откуда? Нет! Совершенно бытовая история! – воскликнула Софья, глядя на подругу наивными глазами.

– Настолько бытовая, что тебе понадобился профессиональный химик?

Софья вздохнула. Жаль, что Маришка не круглая дура. Впрочем, круглая дура не была бы первоклассным химиком.

– Мариш, поверь, никакого криминала. Да и откуда криминал в музее?

– Так тебе по работе нужно?

– Ну да! Причем срочно! А у нас, ты же знаешь, официальным путем идти слишком долго.

Маришка еще немного покочевряжилась, давая понять, что заставить ее забыть прошлые обиды не так легко, да и вообще бесплатно она не работает, но Софья стелила все мягче и мягче...

Что было делать доброй подруге? Она согласилась и обещала позвонить, когда будет результат.

Обрадованная Софья отдала пакетик с платком и, расчувствовавшись, даже предложила как-нибудь – на днях или раньше – сходить вдвоем в их любимый ресторанчик с видом на Фонтанку.

– Помнишь, мы часто там зависали?

Маришка мило улыбнулась и подумала: если она с кем и пойдет туда, то уж точно не с Софьей.

Когда они наконец распрощались, Софья чувствовала себя где-то посередине между основоположником науки манипулирования Никколо Макиавелли и Виктором Люстигом, который, как известно, умудрился продать Эйфелеву башню. Во всяком случае, Шарманову она обработала довольно ловко. А что было делать? Никаких других способов получить нужные сведения у нее нет, а если кто-то считает, что она поступила непорядочно, манипулируя чувствами наив-

ной бабы, то и наплевать! Шарманова заслужила!

Убедив себя в правоте, Софья стряхнула неприятные ощущения от встречи с бывшей подругой и поспешила к станции метро.

Теперь можно смело отправляться на ужин к Закряжским и попытаться выяснить, мог ли платок, принадлежащий революционерке Рейснер, оказаться в печке на Моховой улице.

По отдельности супруги Закряжские воспринимались совершенно обычными людьми, но в совокупности представляли собой комичное зрелище. Большая и корпулентная Фаина Ростиславовна со стороны казалась важной и даже величавой, этакой Екатериной Великой. Рядом с ней вечно заискивающий перед женой Бенедикт Фомич напоминал измученного нарзаном коллежского асессора.

Впрочем, вместе они появлялись не слишком часто. Бенедикт пропадал в архиве или на кафедре, а величественная Фаина подвизалась на педагогическом поприще в близстоящей гимназии и тоже была постоянно занята: то педсоветы, то внешкольные мероприятия, то елки. В целом, несмотря ни на что, Закряжские были весьма гармоничной парой. Поэтому и «гостевать» у них всегда приятно.

К Софьиному приходу ужин был готов, стол накрыт и хозяйева принаряжены – Фаина надела кружевной воротничок, а Бенедикт – бабочку, которая довольно необычно смотрелась на клетчатой фланелевой рубашке.

Софья, не стесняясь, села к столу, наложила себе полную

тарелку вкусовностей и принялась их с аппетитом уминать на радость хозяйке.

За столом о делах не говорили, больше о погоде и природе. Была еще одна запретная тема – Софьяна мама. И на это имелись веские причины.

Нынче к погоде и природе добавился грядущий юбилей Бенедикта. Тема увлекла всех, и Софья совершенно потеряла счет времени.

Первым спохватился Бенедикт Фомич.

– Фаиночка, ты не против, если мы побеседуем с Софьей в кабинете? – чудно вывернувшись всем телом, спросил он.

В ответ жена дернула бровью и повела плечом. Видимо, этот жест означал согласие, потому что Закряжский сразу радостно засуетился, вскочил и распахнул перед гостьей соседнюю дверь. Спрятав улыбку, та прошла и села на привычное место – в кресло у окна. Наполненный снедью желудок тут же уперся в солнечное сплетение. Ужас!

– О Ларисе можно рассказывать часами, – пристроившись на диване, начал Бенедикт Фомич. – Она, как говорил Мойша Фридлянд, известный в широких кругах писатель Михаил Кольцов, была редким, отборным человеческим экземпляром. Я заинтересовался ее личностью, когда занимался Троцким. Лариса работала с ним и, говорят, состояла в довольно близких отношениях.

– А я думала, вы поклонник ее поэтического таланта, – не удержалась Софья.

– Поверьте, дорогая Софа, поэзия – далеко не все, чем могла удивить эта женщина.

– Насчет того, что она была прототипом главной героини в пьесе Вишневского «Оптимистическая трагедия», я в курсе.

– Слышу в вашем голосе некую пренебрежительную нотку и спешу вас разубедить. Балтийцы ее действительно обожали! Вы только представьте себе! Когда на царской яхте обнаружился целый гардероб нарядов, она устраивала показ мод для матросов! И они были в восторге! Ей вообще прощали все! И вовсе не за дамские прелести, хотя она была поразительно красива! За смелость, за отвагу, за, как говорит мой внук, абсолютную безбашенность! Кстати, одним из тех матросов был Всеволод Вишневский.

– То есть она была абсолютно великолепной, абсолютно прекрасной и абсолютно бесподобной!

– Она была разной. И бесподобной тоже, – совершенно серьезно ответил Бенедикт. – Она жила на всю катушку, это так. Ездила на шикарной машине, принимала ванны из шампанского, забирала себе дорогие трофеи.

– Из домов бывших знакомых?

– И это тоже. Рейснер участвовала в сохранении сокровищ Эрмитажа, так говорили, что после этого ее пальцы украсились роскошными перстнями. Ходили слухи, что она нарочно устраивала приемы, приглашая тех, кого собирались арестовывать. Ну... чтобы сподручнее было. Всех скопом, так сказать.

– Вот сволочь!

– Однако, узнав, что Ахматова голодает, привезла ей мешок продуктов. А когда вступила в партию большевиков – это было в восемнадцатом году, – вскоре оказалась в должности комиссара Волжской военной флотилии. Именно там она встретила Ильина, известного как Федор Раскольников.

– Они были женаты официально?

– Да, но это отнюдь не мешало ей коротать время в личном вагоне наркома по военным делам Льва Троцкого.

– Та еще штучка!

– Ну... из песни слова не выкинешь. Именно к этому времени относятся легенды о ее военных подвигах. Например, о том, как где-то под Казанью Лариса ходила в разведку, переодевшись крестьянкой, и сбежала из-под ареста. Кажется, от японцев.

– А у нас под Казанью были японцы? – удивилась Софья.

– Да черт их знает! Это сам Троцкий написал в мемуарах. Впрочем, кажется, там были не японцы, а белочехи. А еще она вместе с Львом Давидовичем открыла в Свияжске памятник Иуде Искарриоту.

– Господи! А этому за что?

– Как первому революционеру! Богоборцу!

– Ужас!

– Это что! Говорили, однажды она въехала на какую-то конференцию на коне.

– Отчаянная баба!

– А я о чем?

– Что же потом?

– Потом был Петроград, где в двадцатом году Раскольникова назначили командующим Балтийским флотом, а Лариса привычно стала комиссарить. Представляете, Софочка, они тогда жили прямо в Адмиралтействе и буквально купались в роскоши!

– Милая парочка.

– Ну что вы! Федор был красавцем, а Лариса... О ней и говорить нечего! Стройная, с каштановыми косами. Огромные глаза. Напоминала потомков нибеллунгов. Она из немецких дворян. Поэтому, наверное, ее звали валькирией, а еще – Мадонной революции!

– Я видела в Интернете портрет. Холодная красота.

– Верно, но именно этим она и завораживала. Представляете, в нее был влюблен не только Гумилев! Ей делали предложение Есенин, тогда еще начинающий поэт, знаменитый художник Натан Альтман, Мандельштам и Всеволод Рождественский. Вот Блока, правда, ей соблазнить не удалось.

– Не повелся на холодные глаза?

– Догадался, наверное, что она просто хочет перетянуть его на сторону большевиков, вот и отбрыкался. А она его выгуливала, дорогим коньяком поила.

– Они долго жили в Петрограде?

– Отнюдь. Руководство Балтийским флотом у Раскольникова не заладилось, закончилось все Кронштадтским мяте-

жом.

– Ух ты! Слышала о нем. Ужас просто!

– Да уж, веселого мало. Мятеж поставил под угрозу существование республики. Это вам, как говорит мой внук, не мелочь по карманам тырить.

Софья прыснула в кулак.

– Это не внук, а Хмырь сказал.

– А Хмырь – он кто?

– Бенедикт Фомич, вы совсем темный? Это же из «Джентльменов удачи»!

– Не знал. Но это неважно. Главное, что оплошности Раскольникову не простили и отправили послом в Афганистан.

– Жена, разумеется, тоже поехала?

– Поехала, но продержалась там недолго.

– Уехала?

– Сбежала!

– От мужа, как я понимаю.

– Ильин ей надоел, – кивнул Бенедикт Фомич. – А ведь как любил! Звал Ларуней, мышкой, ласточкой и даже пушинкой!

– Пушинкой? Она что, очень худая была?

– Как раз нет. В качестве первой посольской дамы Лариса быстро раздобрела. Просто... любовь. А она бросила его, как ветошь, сказала, что любовь – пьеса с короткими актами и длинными антрактами.

– Циничная эта ваша Лариса.

– Времена такие были.

– Ой ли? А кто говорил, что времена всегда одинаковые и пенять на них нечего?

Бенедикт поджал тоненькие губки.

– Я просто хотел убедить вас, что Лариса Рейснер была сложным, но отнюдь не самым плохим человеком.

– Наверное не самым, но сейчас меня волнует другое. Где она жила после возвращения из Афганистана?

– Она уехала в Германию уже с новым возлюбленным. Карл Радек собирался на Неметчине организовать революцию. В успех предприятия, кроме него, никто не верил, но все же послали, так сказать, в служебную командировку. В Германии они с Ларисой пробыли недолго, вернулись в Москву. Рейснер снова занялась журналистикой, все стало налаживаться, и тут эта нелепая смерть.

– Рейснер умерла в Москве, я правильно поняла?

– Ну да. Ее могила, кстати, затерялась.

– А в Питер она не возвращалась?

– Кажется, нет. Во всяком случае, не жила тут.

– Ну тогда, может быть, Радек или бывший муж?

Бенедикт наморщил лоб, вспоминая.

– Радек умер в лагере где-то в Челябинской области в конце тридцатых, а Раскольников... Если не ошибаюсь, его судьба гораздо трагичнее, чем у Карла, как ни странно это звучит. Раскольников стал невозвращенцем.

– Он же ярый коммунист!

– Как будто коммунистам жить не хочется! Раскольников узнал о готовящемся аресте и остался в Париже. А потом у него случился реактивный психоз, и он окончил свои дни в психиатрической клинике. В тридцать девятом году вроде как.

– То есть и он в Питере жить не мог, – протянула Софья, чувствуя глубокое разочарование.

– Разумеется. А при чем тут Питер?

Она не ответила. Только кивнула невпопад.

Вот тебе и раскрыла тайну! Вот тебе и дедуктивный метод. Вензель, возможно, Ларисин, но получается, что ее платок не мог оказаться там, где его нашел Иван. Остается версия, что платок был подарен тому, кто мог спрятать его в печке дома на Моховой. В качестве обертки был использован чисто случайно, поэтому к содержимому коробки отношения не имеет.

Господи, а она уже поверила, что все получится!

Бенедикт Фомич взгляделся в ее расстроенное лицо.

– Софочка, а не хотите ли тяпнуть крутейшего двенадцатилетнего односолодового вискаря?

– Чего? – не поняла занятая печальными мыслями Софья.

– Вискаря крутейшего, – не моргнув глазом повторил Бенедикт.

– Это ваш внук так выражается?

– В данном случае гораздо важнее, чтобы об этом не узнала Фаиночка, – воровато оглянувшись, прошептал Фомич.

И подмигнул.

Химический анализ в действии

Переезжая на Моховую, Софья предвкушала, как, закончив таскать коробки с чемоданами, займется доведением жилья до приличной кондиции. Накупит всяких хорошеньких вещичек, которые расставит и развесит по всей квартире, разложит на диване разноцветные подушки, купит футуристический ковер на пол, два кресла – одно бирюзовое, другое цвета пыльной розы – и ощутит наконец, что создала свой мир. Именно свой, а не мир, который устраивал Кирилл и его мамочку. Тот состоял из массивной мебели, диванов «честерфилд» и тяжелых штор на окнах, украшенных ламбрекенами. Да, еще непременно темные обои с вычурными завитушками. У Софьи клаустрофобия начиналась, когда приходилось долго торчать в квартире, но Кирилл был убежден: именно так должен выглядеть дом солидного человека.

Он изо всех сил старался соответствовать статусу, правда, Софья не совсем понимала, какому именно статусу стремиться соответствовать муж. На ее взгляд, душная квартира в староанглийском стиле совершенно не подходит для молодой пары. Ей хотелось чего-то светлого, легкого, даже веселого, но Кирилл сразу начинал таращить глаза, фыркать, всем своим видом показывая, что Софья по своей женской глупости совершенно не осознает значимость домашнего интерьера «в качестве имиджевой составляющей владельца».

Вот прямо так и говорил – «имиджевой составляющей». Софья в самом деле не понимала и мучилась среди ламбрекенов ужасно. Особенно тоскливо она чувствовала себя, восседая на диванах «честерфилд». Зимой кожа холодила и скрипела, а летом и того хуже: не прикрытая длинными штанами попа к дивану прилипала, отлепляясь каждый раз с жутким звуком, как будто пластырь с раны сдирали.

Теперь все было в прошлом. Квартирка на Моховой прямо-таки ждала добрых и умелых рук, чтобы стать уютной. Вот только рукам в последнее время стало не до нее. Каждую свободную минуту они щелкали по клавиатуре компьютера в поисках... чего-нибудь, что могло вывести на след того, кто мог засунуть в печку коробку из-под леденцов. Поисковик вывалил на нее кучу информации, но все нарытое годилось лишь для мусорного ведра. Коробочка крепко хранила свои тайны.

Шарманова – шарман ее подери! – тоже не объявлялась, и Софья топталась на месте, все больше нервничая и понимая, что она просто не там и не то ищет.

А между тем со дня задержания Протасова минуло пять суток, и становилось все очевиднее: если его не выпустили через сорок восемь часов – во всех фильмах назывался именно этот срок, – то он оказался прав. Менты не нашли достойной замены и решили его «закрыть».

Наконец Софья решила, что Маришку следует поторопить. Трижды в течение дня она набирала номер экс-подру-

ги и каждый раз натыкалась на короткие гудки.

Наверное, с Кириллом болтает. Не может быть, чтобы Шарманова не соблазнилась возможностью освежевать только что убитого оленя.

Софья представила Маришку, предвкушающую открывшиеся перед ней перспективы. И сразу перед глазами всплыло лицо бывшего мужа, какое бывает лишь у тех, кто срывает запретный плод и хочет, чтобы жена об этом не узнала, – горящее азартом, но при этом немного трусливое, краснеющее от вожделения, однако изо всех сил пытающееся выглядеть цивилизованно.

Тогда, правда, была вовсе не Маришка. Ту, кажется, звали Алиной. За Алиной шли Регина и Нелли. Или Нелли случилась после Божены?

Ну что ж, теперь Маришкина очередь. Флаг ей в руки! Пусть только сделает этот чертов химический анализ!

Наверное, Шарманова почувствовала, что ее кто-то дергает и поминает «незлым тихим словом», стоило Софье по-настоящему разозлиться, тут же на экране телефона высветилась Маришкина мордашка.

– Привет, Мариш, я так рада твоему звонку! – быстро заговорила Софья и почему-то вспотела.

Наверное, от страха. Вдруг сейчас выяснится, что ничего не получилось!

– Добрый вечер, Соня, как дела? – голосом светской львицы начала Шарманова.

– Отлично. Спасибо. А у тебя? – сцепив зубы, чтобы не гаркнуть во все горло, процедила Софья.

– Все хорошо. Ты знаешь, Кирилл...

– Ты анализ сделала? – не выдержала Софья.

– Ну... да. Тебе это так важно? Почему?

Спокойно, Ипполит, спокойно!

Софья перевела дух.

– Не то чтобы очень важно, просто время поджигает. Другая работа стоит. Впрочем, я уже говорила, что в долгу не останусь.

– Ловлю на слове. Мне бы хотелось поговорить...

– Так что с анализом?

– Хорошо. Так. Основной процент в составе...

– Мариш, не надо процентов. Скажи для непосвященных.

– Для особо непосвященных сообщаю, в платок был завернут пакетик или мешочек из замши. Следы ворса говорят, что ей не менее ста лет, может больше. Старая, то есть. Причем выделана из кожи серны.

– Серны? И что это значит?

– Выделывали замшу не в Центральной России. У нас на натуральную замшу идет кожа лосей, северных оленей, ягнят или телят. Она жестче и толще. Серны еще на Кавказе водятся, но у них ворс другой.

– А где бегала эта?

– Где-нибудь в Азии. Туркмения, Узбекистан, Таджикистан и тому подобное.

– А поточнее нельзя?

– Соня, ты вообще обнаглела? – не выдержала Шарманова. – Просила выяснить, что там было, я и выяснила. Все остальное уже без меня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.